

является прямое, вытянутое тело, формы которого едва намечаются под орнаментально трактованными складками одежды. Лишь чуть заметный поворот головы „Вольфрама“ и немного более живая, чем в предшествующих памятниках, лепка его лица позволяют почувствовать намечающееся отклонение от каноничности „строгости“. Но идеальное по-прежнему преобладает над реальным. Как и все произведения этой поры, эрфуртский „Вольфрам“, прежде всего, символичен. Поставленный на подножье, в виде тел драконов, на спинах которых сидят маленькие обезьянки и звероподобные существа — символы пороков, — он знаменует торжество света христианской истины над силами зла.

Строгое подчинение канонам не остановило развития немецкой пластики. Сравнивая произведения конца XI и середины XII веков, мы видим, как изменяются характер замысла и приемы исполнения. Грозный, почти устрашающий образ архиепископа фон Веттин на надгробии в Магдебургском соборе (ок. 1152 г.) (илл. 71) уже очень далек от бесстрастного величия Рудольфа Швабского. Хотя в магдебургском надгробии и сохранены традиционные фронтальность, симметрия и неподвижность тела, общее впечатление создается иное, чем от раннего памятника. Сильно выступающая из фона фигура архиепископа приобретает телесность, жест его рук становится энергичным и властным, в лице появляется выражение надменности и непреклонной суровости. Черты лица его индивидуализированы — щеки массивны и округлы, большой мясистый нос нависает над тонкими губами, тяжелый подбородок выдается вперед. Крепко сжимая в руке посох, он с силой вонзает острие в затылок